

И. Г. Добродомов — Р. Эккерт

Значение изучения фразеологизмов в тексте (по поводу фразеологизмов *держать в черном теле; держать в ежовых рукавицах*)

I. Тексты по праву занимают виднейшее место в качестве источника для изучения лексики и фразеологии: многие словари и большинство лексикологических, фразеологических и лексикографических исследований, как правило, базируются именно на выписках из текстов, причем эти тексты чаще всего относятся к художественной литературе. Такого рода материал позволяет всегда обращаться к контексту и в этом отношении имеет большие преимущества перед записями живой речи, которые не всегда учитывают реальную ситуацию и речевые намерения говорящих, особенно в случаях иронического построения речи.

В произведениях художественной литературы фразеологизм как языковое явление находит конкретное контекстуальное воплощение, и употребление ее в тексте следует рассматривать как речевую манифестацию этого языкового феномена. Учет разнообразия речевой манифестации фразеологизмов в ходе их функционирования в художественной речи позволяет более убедительно трактовать сущность этого языкового феномена с его поразительной лабильностью. Для этого необходимо собирать более значительный в количественном отношении материал, чем это имеет обычно место в лексикографической и исследовательской практике специалистов по русской фразеологии. Значительный материал, функционирующий в составе художественных, а также и публицистических текстов, позволит делать более убедительные выводы относительно природы фразеологизмов и их истории.

В следующих далее материалах показано значение примеров из русской художественной литературы XIX в. и отчасти XVIII в. для освещения проблемы тождественности и сепаратности фразеологических единиц в речи и языке.

В обширной специальной литературе по фразеологии с самого начала активного изучения этого феномена обращалось пристальное внимание на его противоречивые качества, обнаруживающиеся в тенденции к устойчивости и вариантности, которые, как правило, рассматривались раздельно с привлечением большего или меньшего числа фразеологизмов, но без внимания к обилию материала по части его употребления в текстах. А ведь именно в них наиболее полно отражается варьирование. Расширение материала за счет привлечения гораздо большего числа источников и унификация подходов к нему могут дать очень много для понимания диалектического единства устойчивости и вариантности фразеологических единиц, причем здесь окажется особенно существенным внимание к истории этих единиц.

Восходящие порой к далекому прошлому фразеологические единицы зачастую отражают многие уже забытые предметы, явления и обычаи. Проткрыть окно в этот забытый мир бывает нелегко, и занимающиеся историей фразеологии языковеды должны учитывать все мелочи и на базе этих мелочей строить более или менее убедительные гипотезы. В этих гипотезах чрезвычайно важно широко использовать текстовые материалы, которые по времени подчас были ближе к истокам выражений и в силу этого помогают лучше установить происхождение многих фразеологизмов, придавая фразеологическим разысканиям столь нужный исторический характер. Использование же исключительно современных данных порой может

привести к ошибкам и неточностям. Кроме того неоценимую помощь могут оказать материалы из народных говоров, так как последние не подвергались нормированию, характерному для литературного языка.

II. В. В. Виноградов настойчиво рассматривал выражение *держать в черном теле* как одну из иллюстраций к следующему общему положению: „Так же, как и в словах, во фразеологических единствах образное представление, сопутствующее значению, обычно не дано, а лишь постулируется, предполагается. Оно исторически изменчиво и, конечно, не нуждается в соответствиях подлинной этимологии образа“. Далее после ряда схематичных примеров заключается: „Внутренняя форма, лежащая в основе фразеологического единства, может быть полузабыта, почти утрачена. Но она всегда может быть вызвана к жизни. Часто происходит подстановка новой внутренней формы“ [1: 129, 154]. Но о первоначальном образе, который лег в основу названного фразеологизма *держать в черном теле*, В. В. Виноградов ничего конкретного не говорит. Это интересное, но слишком общее мнение основоположника русской и советской фразеологической науки почему-то не учтено в специальной статье Ю. А. Гвоздарева, посвященной выяснению истоков некоторых выражений в связи с суевериями, где читаем, что приметы, как одна из разновидностей суеверий, якобы „предсказывают, что может случиться. В основе их — обычно ложное представление о том, что слова и то, что они называют, тесно связаны, а связь или какое-то сходство слов приводит к связи явлений. Если во сне увидел лошадь, то жди ложь, пустое ведро означает, что будет пусто. Сопоставим значение выражений: *держать кого-то в черном теле* (плохо обращаться с кем-то), *черная кошка пробежала между кем-то* (ссора произошла между кем-то), *черный день*, *черная неблагодарность*, *в черном цвете видеть* и т. д. Все они связаны с чем-то плохим. Им противопоставляются выражения со словом *белый*. Сравните: *черная зависть* — *белая зависть*. Устойчивое отношение к этим двум словам и цветам существует и у народов Западной Европы. Например, у англичан — а *black sheep* ‚паршивая овца‘, буквально ‚черная‘; это выражение означает позор в семье, что связано со старинным поверьем — черная овца отмечена печатью дьявола. Две силы противопоставлялись древними славянами: черная сила — сила тьмы, когда нет солнца, источника света и тепла, и белая — сила света и солнца. Отсюда такое устойчивое отношение к этим двум прилагательным-антонимам, закрепившееся и во фразеологии“ [2: 145—146].

Отсутствие исторической перспективы и неточное понимание первого из приведенных Ю. А. Гвоздаревым выражений с прилагательным *черный* (*держать кого-то в черном теле*), уже привлекавшего к себе внимание тонкого знатока русской фразеологии В. И. Чернышева, привело Ю. А. Гвоздарева к ошибочной трактовке фразеологизма, который никакого отношения к суевериям никогда не имел. В статье В. И. Чернышева „Темные слова в русском языке“, напечатанной в 1935 году в сборнике „Академия наук СССР. XIV. Академик Н. Я. Марру“, читаем: „... ставшее слишком отвлеченным выражение *держать в черном теле* имеет слишком общий, недостаточно определенный смысл. Первоначальное значение его мы узнаем из „Инструкции дворецкому Ив. Немчинову“ („Регула о лошадях“, 1725), подписанной А. П. Волынским, в которой читаем: „Также смотреть, чтобы холостые кобылы были гораздо в черном теле: понеже которая очень сыта будет, то зело редко такая принять может“ („Памятники древн. письм.“ XV, 1881, 37). Итак, *держать в черном теле* — собственно значит „умеренно

питать“; в широком смысле: держать в физических лишениях (но не в строгости, как объясняет Даль)“ [12: 310].

К словам В. П. Чернышева можно добавить, что в середине прошлого века, как показывают материалы повести писателя „натуральной школы“ Сергея Петровича Победоносцева (1816—1850) — брата реакционного русского государственного деятеля К. П. Победоносцева — „Из записок неизвестного“, выражению *держатъ в черном теле* еще не приписывалось значение строгого обхождения: „Горничных девушек тетенька Клеопатра Павловна *держала* чрезвычайно строго и, как говорится, *в черном теле*, — особенно тех, которые были получше и покраснее“ (Отечественные записки, 1843, т. XXXI, словесность, с. 307, подписана повесть псевдонимом: Сергей Нейтральный). Употребление в одном контексте выражений *держатъ* (чрезвычайно) *строго* и *держатъ в черном теле* свидетельствует об их различном значении. Кроме того, здесь важны вводные слова *как говорится*, свидетельствующие о том, что фразеологизм *держатъ в черном теле* еще не получил в то время полных прав гражданства в литературном употреблении, сохраняя до какой-то степени свою первоначальную связь с коневодством, о чем речь пойдет дальше.

Несмотря на весьма четкие указания В. П. Чернышева, фразеологизм *держатъ в черном теле* современными словарями по традиции вслед за В. И. Далем толкуется неточно, как это дважды и не вполне идентичным образом сделано академическим семнадцатитомным „Словарем современного русского литературного языка“. Первое „толкование“ дано лишь намеком под словом *держатъ* в составе серпип: „*Держатъ кого-либо в поединении, в страхе, в черном теле* и т. п.; *держатъ кого-либо в опасении, под страхом, под угрозой чего-либо* и т. п. — без четкого определения, хотя выражение *держатъ в черном теле* скорее приближается семантически и этимологически к другой серии: „Держать кого-либо впроголодь, на черном хлебе и т. п.“ (10: т. 3, 722]. Второе уже развернутое толкование под словом *тело* дано более четко: „Строго, сурово обращаться с кем-либо, заставляя много работать, не позволяя нежиться“ [10: т. 15, 228], хотя и это не очень точно. Почти то же находим, хотя и без колебаний, в сильно зависящем от семнадцатитомника „Фразеологическом словаре русского языка“: „Сурово, строго обращаться с кем-либо, притеснять кого-либо“ (11: 136). Здесь явно чувствуется, что выражению *держатъ в черном теле* приписан тот смысл, который имеют близкие, но не тождественные ему выражения *держатъ в тисках*, *держатъ в шорах*, *держатъ в узде*, *держатъ в (крепких) руках*, *держатъ на привязи* и, особенно, *держатъ в ежовых рукавицах*, где строгость входит как одна из важнейших смысловых компонентов в состав значения этих оборотов.

Приведенная В. И. Чернышевым цитата указывает на связь выражения *держатъ в черном теле* со старинной коневодческой терминологией, где исследователи уже давно отмечали обилие тюркских заимствований или отзвуков тюркских выражений. Именно в тюркских языках прилагательное, обозначающее черный цвет, *кара* (буквально „черный“) может употребляться, например, и в значении „чистый, без примеси“. В этом отношении, например, представляет интерес кумыкское выражение *къара эт* „нежирное мясо“ (буквально „черное“), ногайское *кара кесеж* с тем же значением (буквально „черный кусок“), а также киргизское *кара кесеж* или даже просто *кара* „мясо без жира (хотя бы и от жирного животного) [см. также 6: 30—34]. Следовательно, русский коневодческий термин *держатъ в черном теле* первоначально значил „не давать жиреть“, „кормить умеренно“ и к суеве-

рням никакого отношения не имел. Лишь впоследствии он вышел из сферы коневодства, получив широкое распространение в русском языке и частично ошибочное истолкование в словарях и у фразеологов.

По всей вероятности данный фразеологизм по своему происхождению связан еще с такими оборотами из народной и диалектной речи как *держать тело* 'быть в теле, не худеть' (Даль) и 'сохранить известную степень полноты тела' (ср. Мои собаки *тела не держут*, скоро сохнут — Колыма, Богораз 1901 — 12: 62), *в теле, в хорошем теле* 'плотное и полное, сытное (о человеке, животном)' (Даль); *нагулять тела* 'отъестся, пожиреть'; *войти в тело* 'пополнить' (13: 906). К ним имеется целый ряд антонимических выражений, как например, *спасть с тела* 'психовать' (Даль), 'похудеть' (Михельсон) и русск. диал. *потерять тело* 'похудеть', ср. „Меняй Серка-то, он *тело потеряет*, дак никто у тебя его не купит“ (14: 80). Весьма любопытно, что порой эти обороты относятся к животным и в частности к лошадям, хотя, конечно, употребляются и в отношении человека. Ср. *Лошади в теле* 'сыты и полны' (Даль, Михельсон), *тельный скот*, *телистый скот* 'мясистый, жирный' (Даль), *нажисть*, *нагулять тело* (о скоте) 'отъестся, пожиреть' (Даль). Как уже говорилось, перенос этих оборотов на человека, и даже на неодушевленные предметы в кругу этих выражений происходит очень скоро. Ср. из художественной литературы: „Поблекшая девица из Гамбурга, худая как спичка, мечтательная, краснеющая и уписывающая все блюда с таким добросовестным аппетитом, будто ей предсказано: *войти в тело*“ (К. М. Станюкович. Дождался — 13: 906). В русской диалектной речи семантическое развитие фразеологизма *в теле* охватывает не только человека, но даже предметный мир. Ср. *в теле* 1. 'упитанный, дородный': „Она ишо *в теле* бабка-то“ 2. 'в хорошем состоянии': „Имба-то ниче, ишо *в теле*, крепка, только крышь-то изгнила.“

Что касается фразеологизма *держать(ся) в черном теле*, то, по-видимому, семантическое развитие его начинается довольно рано, так как уже у Фонвизина он выступает в значении, обнаруживающем несомненно значительное расстояние от первоначального ('не давать жиреть, кормить умеренно'), как свидетельствует следующая цитата: „Когда большие бояре *держатся в черном теле*, то тогда они всего любезнее в свете, а как скоро из него выходят, то всех людей ставят прахом перед собой“ (Фонвизин, Письма из Франции — 15: 331). М. Ф. Палевская выделяет здесь фразеологизм *в черном теле* со значением 'в немилости', хотя мы считаем, что и в языке XVIII века уже налицо вербальная фразема *держать(ся) в черном теле*.

Вероятно, в современном языковом сознании выражение *держать в черном теле* уже приобрело новое значение 'плохо обращаться с кем-либо', которое продолжает сосуществовать с первичным значением 'держат в физических лишениях'. Об этом свидетельствует, отчасти, иллюстративный материал из художественной литературы, приведенный под этим фразеологизмом в вышеупомянутых словарях (10:15, 228; 11: 136).

Для языка художественной литературы не только характерно узвальное употребление и значение фразеологизмов, наблюдаемое обычно в подавляющем большинстве примеров, но и необычное, окказиональное употребление, сопровождаемое нередко определенной перестройкой фразеологизма и в плане выражения. Речь идет об индивидуальных авторских преобразованиях, которые, однако, у мастеров языка всегда остаются понятными на фоне соответствующих узвальных фразеологизмов.

Любопытный пример отталкивания от фразеологизма *держат в черном теле* обнаруживаем в рассказе А. П. Чехова „Панхида“: „*Воспитывалась* она, как и вообще все дети фаворитов-лакеев, *в белом теле*, около барышень. Господа, от нечего делать, выучили ее читать, писать, танцевать ...“ (Соч., т. 4, М., 1984, с. 354). Здесь ярко проявляется опора на *черное тело* и результат антонимического отталкивания. Образцами для отталкивания могли послужить антонимические пары фразеологизмов с цветообозначениями в их составе типа *черная кость — белая кость*, *черная зависть — белая зависть* и т. п. Чеховский окказиональный фразеологизм *воспитываться в белом теле* невозможно понять без фона в виде модификации распространенного выражения *держат(ся) в черном теле*.

III. Выше говорилось о том, что по всей вероятности смысловая трактовка значения фразеологизма *держат в черном теле* испытывала определенное влияние со стороны фразеологизма *держат в ежовых рукавицах*. Это предположение находит определенную опору не только в том, что семантическая интерпретация первого оборота в словарях находилась под воздействием близкого к нему по своему значению другого здесь приведенного фразеологизма. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова (16: I, 692) эти два фразеологизма прямо-таки трактуются вместе под 5-ым значением глагола *держат*: „5. *держат кого-что*, заставляя находиться в каком-н. состоянии или положении“: *Д. кого-н. в черном теле, в ежовых рукавицах, в руках* (см. этн слова).“ По этой причине в дальнейшем предлагаем более детальный анализ фразеологизма *держат в ежовых рукавицах*, его вариантов и синонимичных ему оборотов, а также образованных от него других фразеологизмов (т. е. его фразеологических дериватов) и авторских (индивидуальных и окказиональных) инновации, связанных с ним. При этом, как в предыдущем случае, обращается особое внимание на текстовые свидетельства из художественной литературы не только XX, но и XIX и XVIII веков и на материалы из народного языка и диалектов, т. е. опять-таки с учетом истории.

Любопытный пример концентрации внимания читателя на фразеологизме находим в „Капитанской дочке“ А. С. Пушкина в связи с затруднением, которое вызвало выражение *держат в ежовых рукавицах* у старинного друга отца Петруши Гринева — генерала Андрея Карловича Р. (немца по происхождению) — во время чтения им письма Андрея Петровича Гринева:

- „... Что такое *ешовы рукавиц*? Это, должно быть, русская поговорка ... Что такое „*дершат в ешовых рукавицах*?“ — повторил он, обращаясь ко мне.
- Это значит, — отвечал я ему с видом как можно более невинным, — обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, *держат в ежовых рукавицах*.
- Гм, понимаю ... „и не давать ему воли“ ... нет видно, *ешовы рукавицы* значит пето ...“ (II гл.).

Но даже немцу, недостаточно хорошо знавшему русский язык, общий контекст письма явно подсказал, что обозначали на самом деле озадачившие его *ешовые рукавицы*, и вольное толкование фразеологизма Петрушей Гриневым сразу же провалилось.

В данном отрывке из Пушкина очень ярко выступает сущность фразеологизма: его сверхсловность, его устойчивость и — пожалуй самое главное — его идиоматичность, т. е. невыводимость значения всего оборота из значений составляющих его ком-

понентов. Именно последнее привело к непониманию этого оборота иностранцем. Одновременно некоторая мотивированность данного оборота и, прежде всего, весь контекст заставили Андрея Карловича Р. сомневаться в намеренно ложном и шутливом объяснении Петрушей Гриневым.

Возникают, однако, еще другие трудности. Одна из них связана с тем, что данный фразеологизм в текстах выступает в различных разновидностях. Встает вопрос, в каких случаях перед нами один и тот же фразеологизм (проблема тождества фразеологизма) и в каких случаях мы имеем дело с разными, отдельными фразеологизмами (проблема отдельности или сепаратности фразеологизма). Что этот вопрос отнюдь не тривиальный, доказывается хотя бы тем, что разные исследователи по-разному определяют состав фразеологизма: у многих фразеологов (и авторов словарей) он определяется как вербальный фразеологизм: *держат в ежовых рукавицах* (ср. у В. В. Виноградова, 1: 147; у М. И. Михельсона, 7: 185; и т. д.). Есть исследователи, которые этот оборот трактуют как адвербиальный фразеологизм и соответственно выделяют только сегмент *в ежовых рукавицах* (А. П. Молотков, 11: 10; 396—397; Е. И. Диброва, 5: 126).

По двум причинам нам кажется более правильным исходить из вербального фразеологизма:

Во-первых, наряду с вербальным фразеологизмом *держат в ежовых рукавицах* существует номинальный фразеологизм *ежовые рукавицы*, на что указывают следующие цитаты из художественной литературы: „Вам бы икону эту на свой завод и пригласить ... На заводе народ у вас тихий, покорный — вы это и блюдите. Все используете: и *рукавицы ежовые* и слово божие“ (Переуд., В те далек. годы, II, 5). „Вы знаете, что если сердце у распорядительных хозяек часто бывает мигкое, то *рукавицы* у них всегда *ежовые* (Черныш., Роман и пов. М. Авдеева), см. 10: XII, 1545.

В юмористических и сатирических произведениях русских писателей *ежовые рукавицы* встречаются неоднократно, так что вряд ли этот номинальный фразеологизм, который возник на почве вербального (ср. аналогичный процесс фразеологической деривации в нем. *leeres Stroh dreschen* ‚nur Unwesentliches sagen‘ → *leeres Stroh*, *Unwesentliches*, *Phrasen*‘, 17: 194), можно определить как индивидуальный и окказиональный.

Ю. С. Сорокин приводит в своей монографии „Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы XIX века“ (М.—Л., 1965, с. 246) следующую цитату, показывающую, что номинальный фразеологизм *ежовые рукавицы*, по-видимому, являлся во второй половине XIX в. еще необычным, так как он выделяется в кавычки: «Пока работала говорильня Ламартина и его товарищей, их слушали, но когда пустили в ход „*ежовые рукавицы*“ алжирских генералов, фракция оторопела и бросилась в реакцию» (Дело, 1871, № 1, Новые книги, с. 76).

Фразеологизм иногда в юмористических целях превращается в целую картину с намеком на внутренний образ. В небольшой юмореске молодого А. П. Чехова „Рекламы и объявления“ сообщается первоначально о продаже вымышленной книги „Скорое, точное и прочное изготовление *рукавиц из ежовой шкурки*“, но в следующем варианте это же „произведение“ именуется несколько по-иному: „Искусственное разведение *ежей*. Для фабрикующих *рукавицы*. Соч. отставного пранорщика, ныне сельскохознина Раздавилова. Ц. 15 к.“ (А. П. Чехов, Соч., т. I. М., 1983, с. 544, 487). Весьма выразительная фамилия выдуманного автора

Раздавилова выдуманной книги хорошо гармонирует с не менее фантастическими, но так же весьма выразительными *ежовыми рукавицами*.

Эта же шутка повторяется и в юмористической „Библиографии“ (Соч., т. 2. М., 1983, с. 17). В рассказе „Елка“ (Соч., т. 3. М., 1983, с. 147) *ежовые рукавицы* предлагаются в качестве подарка вместе с зубной болью и месяцем тюрьмы сотруднику юмористических журналов.

Весьма многообразна форма этого фразеологизма в различных произведениях М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина), который часто употреблял это выражение: „... кроме теории увеселений, есть еще теория *ежовых рукавиц* ...“ (Наша общественная жизнь. — Собр. соч. в 20 томах, т. 6. М., 1968, с. 302). В „Признаках времени“ он говорит о мрачной теории *ежовых рукавиц* в одном ряду с другими зловещеневразумительными „концепциями“: „теория приведения к одному знаменателю, подкрепляемая, для большей убедительности, теорией *ежовых рукавиц*, теорией макаров, где-то телят не гоняющих, и ворон куда-то костей не заносящих“ (Собр. соч. в 20 томах, т. 7. М., 1969, с. 64); „... делается необходимым появление таких деятелей, которым неизвестна теория *ежовых рукавиц*“ (Письма о провинции, III — Собр. соч. в 20 томах, т. 7. М., 1969, с. 213). Есть у него и печально вопиющие „доктринеры“ или же „исчадия бараньего рога и *ежовых рукавиц*“ (Собр. соч. в 20 т., т. 13. М., 1972, с. 453, 613). В последней главе „Истории одного города“ *ежовые рукавицы* упомянуты при перечислении мрачных казенных уравнитель-нивелаторов: „Были нивеляторы ‚хождение по струне‘, нивеляторы ‚бараньего рога‘, нивеляторы *ежовых рукавиц*‘ и проч. и проч.“ (Собр. соч. в 20 томах, т. 8. М., 1969, с. 402).

В сказке „Вяленая вобла“ *ежовые рукавицы* торжествуют: „Если б они [клеветники и человеконенавистники] не взывали к посредничеству *ежовых рукавиц*, если б не угрожали согнутием в бараний рог — могла ли бы вобла с успехом вести свою мировозродительную пропаганду?“; „... до сих пор у всех на уме были только *ежовые рукавицы* ...“; „... единственный целесообразный прием, при помощи которого мы можем прийти к какому-либо результату, представляют *ежовые рукавицы*“. И в самом конце: „Нестрые люди смотрели на это зрелище, плескали руками и вопили: „Да здравствуют *ежовые рукавицы!*““ (Собр. соч. в 20 томах, т. 16, кн. 1. М., 1974, с. 69, 70, 71, 72).

Во-вторых, номинальный фразеологизм *ежовые рукавицы* имеет синоним — возможно окказиональный, ибо нам известен лишь один пример — в виде: *ежовые прижимки*: „Если на Мурмане введутся ... общественные магазины ..., то *ежовые прижимки* со стороны Колупаевых, т. е. скупщиков, будут уничтожены“ (Кушелев, 9: 72). Вербальный фразеологизм и образованный на его почве номинальный, несомненно, следует рассматривать как отдельные, сепаратные единицы.

То, что из своеобразного обломка фразеологизма возник новый фразеологизм, отражается не только в переводе из одного лексико-грамматического класса в другой (вербальный фразеологизм → номинальный), но и в его „сдвинутой“ семантике и в том факте, что прямой номинации *ежовые рукавицы* в смысле „рукавицы, чтобы подпнуть ежей“ или „рукавицы из ежовой шкурки“ нет. Несколько труднее обстоит дело в следующих случаях. Наряду с оборотом *держат в ежовых рукавицах* встречаются еще *находиться в ежовых рукавицах* и *быть в ежовых*, а также *брать/взять в ежовые рукавицы*. Ср. следующие примеры из художественной литературы: „*Находясь у мужа в страшных ежовых рукавицах*, она решительно была рада, что

он умер“ (Писемский, Вэбаламученное море, 1, 17; 7: 185). У Чехова в рассказе „Длинный язык“ находим предложение: „Он у меня, папочка, в *ежовых был*“. Что касается последнего из вышперечисленных фразеологизмов, то в незаконченном академическом словаре (9: II, 72) приводится следующий пример: „Надо *взять себя в ежовые рукавицы*“ (Тургенев, Зап. охотника). Вариант к нему засвидетельствован у П. И. Мельникова (А. Печерского) в романе „В лесах“: „*В ежовые бы взял*“ (Ср. 9: II, 72). В семнадцатитомном академическом словаре и в „Фразеологическом словаре русского языка“ приводится *брать/взять в ежовые рукавицы*, но без подтвердительных цитат. Ср. 11: 397 и 10: III, 1247; XII, 1545.

По своему значению и в отношении грамматических свойств фразеологизмы *быть в ежовых* и *находиться в ежовых рукавицах* совпадают, поэтому мы склоняемся усмотреть в них скорее всего варианты одного фразеологизма. Семантически и относительно некоторых грамматических свойств (ср., например, управление!) от него отличается фразеологизм *держатъ кого в ежовых рукавицах*. От этих же фразеологизмов следует отграничить и по значению и по своей конструкции фразеологизм *брать/взять в ежовые рукавицы*, таким образом, есть три сепаратных фразеологизма, что — между прочим — находит свое отражение в соответствующих эквивалентах этим русским оборотам в немецком языке: *находиться (быть) в ежовых (рукавицах)* ‚unter j-des Fuchtel sein‘; *держатъ кого в ежовых рукавицах* ‚j-n unter der Fuchtel haben (halten)‘ и *брать/взять в ежовые рукавицы* ‚j-n unter die Fuchtel nehmen‘.

Сепаратными фразеологизмами нужно, по-видимому, также признать следующие синонимические обороты, которые отличаются по своему лексическому составу, но которые близки по своему значению: *держатъ в ежовых рукавицах*, *держатъ в (крепких) руках* и упомянутое выше *держатъ в черном теле*. По нашему мнению фразеологические синонимы помимо семантической близости характеризуются определенными различиями в плане выражения (18:18). Правда, в приведенных примерах наряду с отличиями в лексическом составе налицо совпадения (общий компонент *держатъ* и одинаковая структурно-синтаксическая схема). Это и могло способствовать их сближению, о чем уже шла речь выше.

Определенный интерес представляют еще так называемые структурные (А. П. Кунин) или одноструктурные (Е. И. Днброва) синонимы, фразеологизмы, образующие переходные случаи между синонимами и вариантами: по одному полнзначному компоненту они совпадают, по другому компоненту они расходятся. Кроме того они обнаруживают близкие значения и соответствуют друг другу по своей синтаксической конструкции. Интересно, что четыре следующих примера также относятся к „лошадиным“ оборотам. Ср. фразеологизм *держатъ на привязи кого-л.*, который выступает в двух значениях: во-первых, ‚не давать воли, свободы кому-н.‘: „Хоть и удастся поймать и заманить князя обратно, нельзя же будет *держатъ* его вечно на привязи“ (Дост., Дяд. сон 7; 10: XI, 406); во-вторых, в значении ‚иметь всегда при себе (в качестве поклонника, обожателя)‘. Сюда же по своей семантике примыкает и фразеологизм *держатъ в шорах кого-л.* ‚заставлять кого-л. действовать в определенных рамках, границах; ограничивать свободу действий кого-л.‘ (10: XVII, 1510). У Крылова встречается фразеологизм *держатъ в узде кого, что* ‚сдерживаться, сдерживать порывы своих чувств, подчиняя их своей воле‘: „Мне кажется, ничто не может быть глупее и смешнее женщины, которая не умеет своих людей в узде *держатъ*“ (15: 100). В русском языке XVIII века

бытовало еще выражение *держать в возмжах кого-л.* 'не давать кому-л. свободы в поступках, действиях': „Смотри, пожалуй, курицу яйца учат! Я ли ее в *возмжах* не *держу*, а она таки все нос подымает“ (Вережкин, Так и должно, 15: 98—99). „Отец тогда сего детины Взбесясь женился на другой, Которая его седины Седея делала собой; *Держала на возмжах* моржовых, *И в нарукавниках ежовых*, Играя крепко на носу“ (Осипов, Вергилева Еиейда, 15: 99). Как явствует из этих цитат, наряду с фразеологизмом *держать в возмжах* существовал еще его вариант *держать на возмжах*. Последний из приведенных примеров замечательен еще в другом отношении: В нем зафиксировано синонимическое употребление фразеологизмов *держать на возмжах* и *держать в ежовых нарукавниках*. Последний фразеологизм является лексическим вариантом ныне употребляемого фразеологизма *держать в ежовых рукавицах*.

Ряд структурных синонимов к фразеологизму *держать в ежовых рукавицах* можно продолжить. Ср., например, *держать в тисках* — о том, что стесняет, сковывает, лишает свободы действий (10: XV, 469) и русск. диал. *держать в жабрах кого* (экспр.) 'в большой строгости': „Только тем и спасат (детей), что в *жабрах держит*“ (14: 33).

Весьма близок по семантике и по своему лексическому составу к фразеологизму *держать в ежовых рукавицах* оборот *держать в (крепких) руках* *кого*, который имеет значение 'не давать воли кому-л.': „Его надо *держать в руках* или *держат* строже“ (4: I, 431). Особая близость этих единиц друг к другу отражается в их подаче в словарях: „*Держать кого-либо в руках*, — в *ежовых рукавицах*, *держат* строго, не давать кому воли“ (9: I, 1013) и „*Д. кого-н. в черном теле, в ежовых рукавицах, в руках*“ (16: I, 692). Здесь не совсем точно поданы данные фразеологизмы, которые являются сепаратными (хотя синонимичными) единицами. Как таковые они совершенно правильно даются в новом издании четырехтомного академического словаря (19: 1, 390, 464). По всей вероятности фразеологизм в следующем примере является контаминацией упомянутых фразеологизмов *держат в ежовых рукавицах* и *держат в руках*: „В Милае, в Польше, где национальность никак не ограничилась бы грамматикой, ее *держали в ежовых руках*“ (Герцен. Вылое и думы — 9: II, 72).

В нашем распоряжении еще один пример для контаминированного фразеологизма *держат в ежовых руках*. В предисловии к книге „О. Забытый. «Рассказы, очерки, отрывки из повести», Воронеж 1982“ (с. 14) В. И. Кузнецовым цитируется из повести „Велено прискивать“ (1877) поучение Златокрылова-старшего сыну последнего, вступающему на церковную стезю, о методах обирания прихожан: „В *руках* нужно *держат* этот народ, в *ежовых руках*! <...> С первого разу их и придавить надо ...“

В каламбурной шутке А. Вотвинникова: „Себя принято *держат в руках*, а других — в *ежовых рукавицах*“ (Лит. газ., 22 августа 1984 г., № 34, с. 16), — противопоставляются два синонимичных фразеологизма не на основе различий их семантического содержания, а, скорее, на основе различий их внутренней формы. Сходный состав двух фразеологизмов используется для игры слов.

В предыдущем изложении мы уже неоднократно сталкивались с проблемой фразеологической вариативности, которая многими исследователями толкуется недостаточно четко, так как варианты фразеологических единиц смешиваются с фразеологическими синонимами (о трудности четкого разграничения этих категорий

мы выше говорили), с грамматическими формами фразеологизмов и с фразеологическими дериватами. Нами упомянуты следующие лексические варианты фразеологизмов: *держат в (на) ежовых*; *держат в ежовых рукавицах* (*нарукавниках*), а также один случай лексико-квантитативной вариантности: *держат в (крепких) руках*.

Вариантное многообразие, связываемое с фразеологизмом *держат в ежовых рукавицах*, этим не исчерпывается.

В. В. Виноградов в одной из своих классических работ по русской фразеологии специально останавливался на вопросе вариантности этого фразеологизма, связывая это явление с семантической неделимостью и идиоматичностью этого оборота. При этом он указывает на противоречивую сущность фразеологического сращения: „... семантической неразложимости целого иногда сопутствует сохранение внешних грамматических границ между частями фразеологического сращения. Это своеобразный след былой лексической расчлененности словосочетания“ (1: 147). В связи с этим показательно, что он приводит примеры лексико-квантитативной вариантности из произведений А. П. Чехова: „Твой Собакевич наверное *держит в ежовых* горшничную и лакея“ (в рассказе „Месь“ и „Он здесь король и орел, он *держит* всех жителей в *ежах* и гнетет их своим авторитетом“ (в повести „Дуэль“).

Вариант *держат в ежах* А. П. Чехов употребляет еще в следующем примере: „Да набрать бы новую труппу настоящую, неизбалованную, да поискать бы в Рязанях да Казанях этакого антрепренера, чтоб, знаешь, в *ежах держат* уметь“ (Рассказ „Критик“, Сочинения, т. 6, М. 1985, с. 178).

По нашему мнению перед нами два вариантных ряда (и, как уже говорилось, два отдельных фразеологизма): во-первых, *держат в ежовых рукавицах* — *держат в ежовых* и *держат в ежах* и, во-вторых, *находиться в ежовых рукавицах* — *быть в ежовых*. Что касается последнего варианта, ср.: „Он у меня, папочка, в *ежовых был*“ (А. П. Чехов, рассказ „Длинный язык“). В том же абзаце рассказа Чехова „Длинный язык“, „героиня“, у которой „он“ *был в ежовых*, продолжает: „Я его вот как *держала!* Вот!“ (А. П. Чехов, Сочинения, т. 5, М. 1984, с. 315). Видимо устанавливается ассоциативная связь между фразеологизмами *быть в ежовых* и *держат в ежовых (рукавицах)*, причем последний выступает в предельно эллиптическом сокращении (*держала* кого). Этот контекст наглядно демонстрирует существование двух фразеологизмов: „«Он» *был у нее в ежовых*. Она его *держала в ежовых (рукавицах)*“. В первом вариантном ряду налицо эллиптическое сокращение фразеологизма, сопровождаемое в случае *держат в ежовых (ежах)* лексической вариантностью. Второй ряд также характеризуется комбинацией лексической и квантитативно-лексической вариантности. В отличие от трактовки этих примеров в известной книге Е. И. Дибровой мы не признаем вариант *в ежах* (5: 104), не подкрепляемый никакими конкретными примерами, и мы не считаем правомерным отнести глаголы *быть*, *находиться*, *держат* и *брать* к их окружению и рассматривать сегменты *в ежовых рукавицах* и *в ежовые рукавицы* как „члены парадигмы“ (5: 126), так как фразеологизмы в этом случае искусственно разрываются и проблемы вариантности (и тем самым тождественности) фразеологизма и отдельности (сепаратности) не получают удовлетворительного решения, обоснованного фактами из текстов.

Что касается вариантов *быть в ежах* по отношению к *находиться в ежовых рукави-*

цаз и *держатъ в ежах* по отношению к *держатъ в ежовых (рукавицах)*, мы не уверены в их узуальности. Скорее всего это окказиональные варианты.

К индивидуально-авторским преобразованиям, несомненно, относятся приведенные выше чеховские примеры: „изготовление *рукавиц из ежовой шкурки*“; ... Искусственное разведение *ежей*. Для фабрикующих *рукавицы*“, а также прилагательное *ежово-рукавичный* в „Пестрых письмах“ М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина): „П в либеральном смысле каркают, и в *ежово-рукавично*, хотя в последнем уже по тому одному энергичнее, что само представление о *ежовой рукавице* необходимо сплетается с представлением об энергии“ (Письмо IX. — Собр. соч. в 20 томах, т. 16, кн. 1, М. 1974, с. 376).

Количество вариантов фразеологизма можно было бы увеличить за счет диалектного материала, но этот материал, будучи с трудом отделенным от материала литературного языка, пока плохо фиксируется словарями. Например, сводный „Словарь русских народных говоров“ (8) не фиксирует помещенного в неоконченном академическом словаре (9: 71) диалектального (Калужской губ.) видоизменения фразеологизма: „Я их (детей) в *ежовеньких воспитываю*: вон они у меня и смиренны“ (по записям В. И. Чернышева). Аналогичным же образом обстоит дело и с употреблением варианта *держатъ в ежовых* в вытегорском говоре: „Он держит ей (ее) в *ежовых*, — не дае шалить“ (Ср. 9: 72).

С вышеупомянутым фразеологизмом *брать/взять в ежовые рукавицы* можно связать самый ранний (по нашим разысканиям) зафиксированный пример: *принять в ежовые рукавицы*. Ср. „Тогда же указомъ его Царскаго Величества сказано боярину князю Ивану Борисовичу Троекурову: быть въ Стрѣлецкомъ приказѣ пожеже быть онъ человекъ умный и зѣло строптивый и ярый, который *принялъ ихъ стрѣльцовъ въ прямыя ежовыя рукавицы*, въ принадлежащее свое правление“ (Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева. — Записки русских людей. События времен Петра Великого, СПб. 1841. До 1728 г. по материалам картотеки Древнерусского словаря, Москва). Встречаемый в этой цитате фразеологизм перекликается с пословицей, зафиксированной еще в первой половине XVIII века: „*Ежовыми рукавицами* да за мяк(к?)ое тѣло примаешься“ (Собрание пословиц ... российских ... по алфавиту оные ... разположены ... 1741 году — изд.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков, М.—Л., 1961 — по материалам картотеки ДРС, Москва).

Для выяснения возможной первичной внутренней формы фразеологизма представляется особенно важным учет отмеченной у В. И. Даля пословицы *Ежовая голица — учить мастерица*. Дело в том, что *голицами* назывались рабочие кожаные рукавицы без подкладки и меха, которые служили для защиты рук от повреждений при работе; зимой они надевались на варежки. Следовательно, *ежовые голицы* (и *рукавицы*) предназначались и для работы с ежами. Ведь согласно другой пословице, „*голыми руками ежа не возьмешь*“. Это такие рукавицы, которыми можно было спокойно брать колочего ежа и выполнять любую угрозу типа: „А не хочешь ля прочитатъ, что у меня на голицах написано?“ [3: 222].

Что от колочего защищают только рукавицы, об этом даже в переносном смысле повествуется в сказе П. П. Бажова „Жабреев ходок“ (1942): „Жабрейха, видишь, как раз мужу под стать. Старуха, прямо сказать, колючая, без рукавиц к ней не подходи, и на разговор крутая“ П. П. Бахов, Малахитовая шкатулка, Ташкент, 1985, с. 163).

В. И. Даль (4: 516—517) приводит еще ряд цитат и пословиц, подтверждающих идею о том, что ежей можно брать только в руки, защищенные рукавицами: „*Голыми руками ежа не ухватишь*“; „*Он ежист, голыми руками не ухватишь*“; „*Это еж, его руками не возьмешь*“; „*Что ни хвать, то ери да еж*“. И эти примеры наводят на мысль о том, что, скорее всего, наиболее древним является фразеологизм *взять/брать в ежовые рукавицы*, для которого в первой четверти XVIII в. имеется предшественник в виде *принять в ежовые рукавицы*.

Как показал наш анализ, данные, почерпнутые из текстов, позволяют шире и глубже изучать проблемы фразеологической вариантности, фразеологической синонимии и полисемии, а также фразеологической деривации. Привлечение текстовых материалов из художественной литературы и публицистики, из народных говоров и из старописьменных источников открывает путь к подлинно историческому изучению фразеологии.

Библиография

- ¹ В. В. Випоградов, Избранные труды. Лексикология и лексикография, М., 1977.
- ² Ю. А. Гвоздарев, Семь пятиц на неделе. Истоки некоторых изречений. — Русская речь, 1981, № 4.
- ³ В. И. Даль, Пословицы русского народа, М., 1957.
- ⁴ В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, М., 1955.
- ⁵ Е. И. Диброва, Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке, Ростов-на-Дону, 1979.
- ⁶ И. Г. Добродомов, К ареальному изучению цветообозначений. — Русский язык в Среднем Поволжье, вып. 2, Чебоксары, 1977.
- ⁷ М. И. Михельсон, Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и ипосказаний, т. I, [СПб., 1903].
- ⁸ Словарь русских народных говоров, вып. 8, Л., 1972.
- ⁹ Словарь русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук, т. II, вып. 1, СПб., 1897.
- ¹⁰ Словарь современного русского литературного языка, т. 3, М.—Л., 1954; т. 12, 1961; т. 15, 1963.
- ¹¹ Фразеологический словарь русского языка, под ред. А. И. Молоткова, М., 1967.
- ¹² В. И. Чернышев, Избранные труды, т. I, М., 1970.
- ¹³ Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Составители: Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров, Новосибирск, 1972.
- ¹⁴ Материалы для фразеологического словаря говоров северного Прикамья. — Составитель — К. И. Прокошева, Пермь, 1972.
- ¹⁵ М. Ф. Палевская, Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века. Кишинев, 1980.
- ¹⁶ Толковый словарь русского языка. Под ред. проф. Л. Н. Ушакова, I—IV, М., 1935—1940.
- ¹⁷ W. Fleischer, Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache, Lpz., 1982.
- ¹⁸ R. Eckert, Zum Problem der Identität phraseologischer Wendungen, in: Linguistische Studien (Reihe A), № 95. (Untersuchungen zur slawischen Phraseologie), Bln., 1982, 1—33.
- ¹⁹ Словарь русского языка. Издание второе, исправленное и дополненное, I—IV, М., 1981—1984.